

РАБОТА НАРКОМПРОСА БССР ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ ЭВАКУИРОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ (20-е гг. XX в.)

Николай Клепиков

Судьба эвакуированных во время Первой мировой войны белорусских памятников истории и культуры всегда интересовала отечественных краеведов. Возвращение в республику всех вывезенных исторических ценностей является настоятельной необходимостью, так как построение государства невозможно без усвоения всего разнообразия культурно-исторического наследия, без исторической памяти. Не сохранив память прошлого, человек губит свою личность. А если таким «беспамятством» заболевает все общество, оно обрекает себя на гибель. Бережное отношение к памятникам истории, глубокое их изучение, позволяющее оценить многие сложные явления культуры, являются важнейшими составными частями жизни общества.

При исследовании этой темы возникла необходимость акцентировать внимание на таком аспекте, как выяснение эффективности работы государственных органов, ответственных за возвращение памятников старины. Необходимость проведения подобных исследований связана с тем, что освещение истории создания организаций по охране памятников истории является составной частью изучения государственной политики в области культуры. В данном исследовании сделана попытка проанализировать и дать оценку деятельности государственных структур, которые в тяжелый и сложный послевоенный период непосредственно были связаны с решением вопросов по охране культурно-исторических памятников Беларуси и реэвакуации вывезенных ценностей.

Вопросу возвращения вывезенных из Беларуси памятников старины было уделено пристальное внимание уже в 1924 г. на Первой Всебелорусской конференции архивистов в докладах и выступлениях В. Г. Краснянского, Я. Л. Дыло, В. И. Пичеты, Д. Ф. Жилуновича, Д. И. Довгялло, М. В. Мелешко, найденных в Национальном архиве Республики Беларусь [1, д. 63]. Много информации о вывезенных за пределы Беларуси памятниках старины сообщил этнограф и архивист А. А. Шлюбский в своей библиографической работе «Матэр'ялы да крыўскае гісторыі», впервые опубликованной в журнале «Крывіч» (Коўна. 1925. № 1) [см.: 16]. Проблемы возвращения белорусских культурных ценностей обсуждались и на Первом съезде исследователей белорусской археологии и археографии, состоявшемся в Минске в январе 1926 г. [12]. Особый интерес вызвали доклады председателя Археографической комиссии Инбелкульта М. В. Довнар-Запольского,

директора Госбиблиотеки БССР И. Б. Симановского и заведующего Белгосмузеем П. В. Харламповича. Эти же проблемы обсуждались и на совещании архивных работников БССР, состоявшемся в декабре 1927 г. [1, д. 230].

Вновь к этой проблеме возвратились лишь в конце XX ст. В 1997 г. проходила международная научная конференция, посвященная реституции культурных ценностей, на которой с интересными докладами выступили М. Шумейко [18], С. Богданович [2]. Много ценных материалов было опубликовано в серии «Вяртанне» под редакцией председателя комиссии Белорусского фонда культуры А. Мальдуса. Следует выделить статьи М. Шумейко «Методология выявления и отбора утраченных культурных (архивных, музейных, библиотечных) ценностей Беларуси» [17], Н. Высоцкой «Документы о ценностях Несвижского замка в Эрмитаже» [4], Т. Роциной «Перамешчаныя беларускія кнігазборы: бібліятэка Радзівілаў (Нясвіж — Пецябург — Хельсінкі)» [13] и др. Однако освещению конкретных вопросов, которые касаются создания республиканских органов охраны памятников и их работы по возвращению эвакуированных ценностей, уделялось недостаточно внимания. Именно этой малоизученной теме посвящено данное исследование. При написании статьи использовались архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот, сборники документов, периодические, статистические и энциклопедические издания.

В годы Первой мировой войны из Беларуси было эвакуировано в Россию огромное количество интересных и весьма ценных памятников старины, древних архивов, музейных коллекций, библиотек. После окончания военных действий все это необходимо было вернуть. 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан мирный договор с Германией, который в середине марта ратифицировал IV чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. Уже 26 апреля по постановлению исполкома Западной области при отделе искусств был создан художественно-археологический подотдел, основной задачей которого являлось сохранение памятников истории и культуры [5, с. 180]. После провозглашения БССР эту работу проводил археологический отдел Наркомпроса республики, а затем — музейно-археологический подотдел [8, д. 595, л. 24]. В это же время на территории Беларуси работали эмиссары Всероссийского отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Напри-

Автор:

Клепиков Николай Евгеньевич — кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Зелинский Петр Иосифович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета

Забавский Николай Михайлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

мер, в Могилевской губернии находился работник этого отдела В. В. Пашуканис, которому было поручено осматривать частные коллекции, выявлять предметы музейного значения и «составлять научные описи художественно-исторической собственности в бывших поместьях и усадьбах» [8, д. 16, л. 21]. Некоторые предметы, имеющие особую художественную ценность, В. В. Пашуканису разрешалось вывезти в Москву.

В начале марта 1919 г. напряженные обстоятельства того времени осложнились наступлением польских войск. Республика была объявлена на военном положении. Началась новая эвакуация музейных и архивных ценностей. Эмиссар В. В. Пашуканис занимался вывозом памятников истории и культуры из Орши, Могилева и Гомеля. 24 марта в Гомеле вспыхнул «левозсеровский мятеж». Во дворце Паскевичей возник пожар, в результате которого в огне погибло много картин, замечательные хрустальные люстры, обои из тисненой кожи, различные старинные предметы. После подавления мятежа все «художественные изделия из благородных металлов», хранившиеся во дворце, по распоряжению В. В. Пашуканиса были отправлены в Москву (серебряные кубки, табакерки, часы, подносы, блюда с золотыми медальонами, вазы, чаши и многое другое). Сотруднику Всероссийского отдела по делам музеев удалось вывезти из гомельского дворца ценностей весом «около ста пудов»! [3, с. 42].

После окончания войны вопросами охраны культурно-исторического наследия Беларуси стали заниматься сотрудники отделов Наркомпроса и Центрархива БССР. Одним из главных направлений их деятельности следует назвать возвращение в Беларусь вывезенных культурных ценностей. В комиссариат по просвещению РСФСР из Беларуси было направлено письмо с просьбой разрешить «Наркомпросу через своих уполномоченных отыскивать и доставлять в гор. Минск эвакуированные из Белоруссии архивы, библиотеки, собрания рукописей и т. п.» [9, д. 89, л. 44]. Сразу же в Смоленск отправился заместитель заведующего отделом Наркомпроса А. Мелешкевич для получения одного из архивов, вывезенных во время войны. В мандате на его имя (№ 2184 от 07.12.1921 г.), подписанном наркомом В. М. Игнатовским, указывалось, что А. Мелешкевичу предоставляется право решать вопросы от имени НКП БССР [9, д. 64, л. 1]. Началась активная работа по возвращению белорусских памятников, архивов и библиотек. Одной из первых была доставлена Центральная библиотека, вывезенная в Москву. Решались вопросы по возвращению из Петрограда библиотеки бывшей Белорусской гимназии [9, д. 100, л. 102; д. 130, л. 12; д. 515, л. 69, 81].

Работники Наркомпроса сделали несколько запросов в российские архивохранилища о наличии в них вывезенных из Беларуси фондов и о возможности их возвращения. К примеру, в Смоленск было отправлено письмо с просьбой о сохранении ящиков с документами Минского и Бобруйского казначейства. В Центральный архив РСФСР направили просьбу о пересылке в Минск материалов двух архивов: из Рязани — документов Игуменского Успенского собора, а из Калу-

ги — части архива Минской духовной консистории [1, д. 10, л. 103, 155; д. 84, л. 8]. Аналогичная просьба была направлена в Ярославль, где находились фонды Полоцкого Софийского собора и Спасского монастыря. В некоторых случаях ответы на запросы из Беларуси вызвали опасения гибели того или иного архива. Например, из Ульяновска сообщили: «...в городском губархивбюро имеется архив б. Полоцкого Кадетского Корпуса в количестве 360 дел... Архив в плохом состоянии: многие дела полусгнившие. Часть бумаг не подшита» [1, д. 84, л. 11]. После такого сообщения были проведены срочные работы по возвращению архива в Беларусь. Летом 1924 г. Д. Ф. Жилунович, который возглавил Центрархив БССР, обратился к российским коллегам с просьбой передать Беларуси архивы Гродненской и Виленской губерний, а также все материалы Белорусского национального комиссариата [1, д. 84, л. 12]. В 1923—1924 гг. запросов подобного рода было сделано немало. Постепенно выяснялось местонахождение белорусских архивов, вывезенных во время войны.

Сотрудников Наркомпроса интересовала также судьба вывезенных музейных ценностей. К примеру, на их запрос о вывезенных экспонатах поступили сведения из Рязани о полной сохранности Минского церковно-исторического музея, эвакуированного еще в 1915 г. Академический центр Наркомпроса обратился в Совнарком БССР с ходатайством о выделении 300 млн руб. для реэвакуации музейных ценностей. Благодаря активной деятельности сотрудников центра экспонаты музея в 1922 г. были возвращены в Минск и переданы Белорусскому государственному музею [10, с. 326].

Сотрудники Наркомпроса уделяли большое внимание сохранению книжного наследия Беларуси. В 1923 г. известный историк и этнограф М. В. Довнар-Запольский сообщил инспектору научных учреждений С. М. Некрашевичу о том, что весьма ценная библиотека графа Хрептовича-Бутенёва еще в 1914 г. была отправлена в Киевский университет с условием, что в дальнейшем она будет передана Белорусскому университету. Он просил навести по этому поводу справки. Наркомпрос Беларуси принял решение ходатайствовать перед Наркомпросом Украины о возвращении библиотеки [9, д. 535, л. 21].

Необходимо было вернуть и великолепную библиотеку церковных и монастырских книг, эвакуированных в Москву еще в 1915 г. из Жировичского Свято-Успенского монастыря. Стало известно, что вывезенные монастырские книги первое время хранились в подвалах собора Василия Блаженного. По настоятельной просьбе жировичских верующих в 1920 г. в монастырь была возвращена чудотворная икона Божией Матери, но 30 000 уникальных книг оставались в России [13, с. 116]. Следует добавить, что из Жировичской обители церковные памятники вывозились не один раз. Так, еще в 1845 г. часть библиотеки с редкими рукописями (в том числе уникальное Жировичское евангелие XV в.) попала в Вильно. А в конце XIX в. коллекцию документов, манускриптов и старопечатных книг вывез в Петербург русский церковный деятель П. Н. Доброхотов [19, с. 385].

В 1923 г. в одной из московских синагог обнаружили очень ценную библиотеку, состоящую из 9000 томов на различных языках, вывезенную во время войны из местечка Мир Новогрудского уезда. 30 мая 1923 г. ЦИК БССР по просьбе Наркомпроса республики возбудил ходатайство во ВЦИК о передаче библиотеки в распоряжение Белгосуниверситета. Уже 18 июня на этот запрос поступил положительный ответ [11, д. 40, л. 58].

Определение местонахождения вывезенных библиотек не являлось самым сложным вопросом. Куда тяжелее было договориться с российскими коллегами о возврате книжных фондов. К примеру, в 1925 г. сотрудниками Наркомпроса БССР в Ленинграде была осмотрена библиотека бывшей Духовной римско-католической академии. В большей своей части она складывалась из эвакуированной в свое время библиотеки виленской Духовной академии и по своему содержанию имела огромное значение для Беларуси. На неоднократные запросы Наркомата просвещения БССР о возврате библиотеки ответа долго не было. Наконец, Главнаука НКП РСФСР сообщила, что препятствий для передачи библиотеки нет. Однако в начале 1927 г. выяснилось, что вышеназванная библиотека передается в Государственный книжный фонд, в котором она войдет в общие книжные запасы и, таким образом, будет окончательно обезличена и утрачена для Беларуси. Наркомпрос Беларуси трижды делал запрос в Москву весной 1927 г., но ответа так и не получил [8, д. 454, л. 33]. К сожалению, поиски в архиве дальнейшей переписки по этому вопросу результатов не дали.

В этот период большая и целенаправленная работа проводилась также и по возвращению вывезенных за пределы Беларуси архивов. Еще в 1924 г. конференция архивистов приняла решение о сборе сведений из печатных изданий и различной переписки о вывезенных архивных материалах. В марте 1925 г. во все местные отделения Центрархива были разосланы директивные письма, в которых разъяснялась необходимость выяснения местонахождения архивов [1, д. 104, л. 9]. Такие сведения понемногу начали поступать в Минск. 12 сентября 1925 г. заместитель заведующего государственным архивом Беларуси М. В. Мелешко в своей докладной записке предложил обратиться в ЦИК СССР с просьбой об издании специального постановления о возврате белорусских архивов [15, д. 525, л. 24]. Уже 18 сентября на заседании Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР ходатайство ЦИК Белоруссии было удовлетворено. Создавалась специальная комиссия в составе представителей Центрархива РСФСР, Центрархива БССР и Главнауки. Решением от 2 октября в данную комиссию представителями от Беларуси были назначены Д. Ф. Жилунович и М. В. Мелешко [1, д. 114, л. 49, 54]. Средства для реэвакуации архивов предполагалось выделить из запасного фонда Центрального исполнительного комитета.

9 октября 1925 г. вышло постановление Наркомпроса БССР № 77 о создании комиссии по выявлению белорусских архивных материалов в архивах РСФСР, в состав которой вошли Д. Ф. Жи-

лунович, М. В. Мелешко, М. В. Довнар-Запольский, Д. И. Довгялло и С. Х. Огурский [1, д. 114, л. 56]. Первоначально был составлен примерный список вывезенных архивных фондов, среди которых Литовская Метрика (находившаяся в Москве), «неразобранный и сваленный в кучу» архив древних книг Витебской и Могилевской губерний (находившийся в Ярославле), архивы монастырей, документы XV—XVI ст.ст., архив Радзивиллов, Баркулабовская летопись и многое другое. Всего в первом списке насчитывалось 63 наименования [15, д. 595, л. 24]. Список постоянно дополнялся. В другом варианте упоминаются уже 68 архивных фондов [1, д. 114, л. 41—46]. Началась очень трудная и кропотливая работа по возвращению исторического архивного наследия. В Москву и другие города России направлялись белорусские представители для поиска пропавших архивов. Конечно же, это дало свои результаты. К примеру, один только инструктор И. И. Бобровский обнаружил десять различных архивных фондов, вывезенных из Беларуси [1, д. 183, л. 190].

17—18 января 1926 г. в Минске проходил 1-й съезд белорусских археологов и археографов. В своей резолюции съезд принял решение о возвращении всех архивных фондов, «касающихся Белоруссии». Были названы документы и книги старых белорусских архивов, «а в том числе и оторванные части Литовской Метрики, которые разбросаны и находятся теперь в бывших архивах Земледелия и землестроительства, в Ленинградской Публичной библиотеке, в бывшей Археографической Комиссии, в бывшем архиве Главного Военного Штаба, в бывшем Архиве Министерства Иностранных Дел в Москве и других архивных учреждениях РСФСР; а также и те архивы, которые были эвакуированы во время последней войны, как, например, архив Витебский и Виленский и другие архивные фонды» [6, с. 201].

Сначала Центрархив РСФСР не препятствовал возврату белорусских архивов. Так, Владимирский губернский отдел дал разрешение на возврат архивного фонда Полоцкого мужского духовного училища; Смоленское архивное бюро разрешило вывезти материалы Минского отделения государственного банка, а Рязанское — материалы Минского епархиального училищного совета за 1910—1915 гг., Петропавловской церкви, Минского духовного училища и многое другое [1, д. 183, л. 181, 182, 187].

Однако в дальнейшем возникли большие трудности в деле возвращения наиболее ценных для Беларуси архивных фондов. В начале 1927 г. специальная комиссия, созданная при Центральном Исполнительном Комитете СССР, разработала Основные положения распределения архивных фондов и материалов между союзными республиками. В пункте 3 проекта положений указывалось, что систематизированные и научно описанные архивные фонды «остаются неразрушимыми в своем объеме» [1, д. 18, л. 78—80, 83]. На заседании комиссии, состоявшемся 21 февраля 1927 г., споры развернулись, как и ожидалось, по поводу формулировки пункта 3 — ведь это был самый принципиальный вопрос. Против данной формулировки выступили представители Украины и Беларуси. Но

большинством голосов названный пункт утвердили в предложенной комиссией формулировке. Отныне на пути возвращения в Беларусь ценнейших архивов вставало непреодолимое препятствие. При нежелании возвращать те или иные архивы всегда можно было сослаться на пункт 3 Основных положений, что в дальнейшем неоднократно и делалось.

А как же обстояли дела с возвращением музейных ценностей, эвакуированных во время войны?

В 1925 г. заместитель наркома просвещения БССР П. И. Волосевич и заместитель председателя Главпрофобра С. М. Некрашевич обратились с ходатайством в музейный отдел Главнауки РСФСР о помощи в комплектовании экспонатами художественного отдела и отдела прикладного искусства Белгосмузея. В этом обращении раскрывались причины тяжелого положения в Белорусском музее (война, неоднократные эвакуации музейных ценностей в центр России и др.) [11, д. 2084, л. 4, 5]. Для переговоров по вопросам возвращения вывезенных во время войны музейных ценностей Наркомпрос БССР наметил командировать в Москву профессора Н. Н. Щекотихина. Комиссариат просвещения несколько раз просил музейный отдел Главнауки НКП РСФСР допустить его в музейные фонды Москвы и Ленинграда [9, д. 1927, л. 56]. Ответа пришлось ожидать почти год. Наконец 16 июля 1926 г. пришло сообщение о том, что в Москве состоялась заседание административно-финансовой комиссии СНК СССР, на котором были рассмотрены «претензии БССР на музейные ценности РСФСР» [9, д. 331, л. 10]. В результате появилось постановление «О возвращении в Белорусский Государственный Музей некоторых музейных экспонатов из музеев РСФСР», утвержденное Совнаркомом СССР 19 июля 1926 г. В первом пункте постановления речь шла о возврате 25 картин итальянских и нидерландских мастеров XIV–XVII вв., вывезенных в Смоленск из Горы-Горок, или о компенсации соответственно подобранной коллекцией для Белгосмузея, т. е., иными словами, это был завуалированный отказ в возврате картин. Во втором пункте постановления содержался отказ в возвращении находящейся в Ульяновске (бывший Симбирск) коллекции гражданина А. В. Жиркевича. По утверждению Г. А. Кохановского, генерал-майору и коллекционеру А. В. Жиркевичу удалось отыскать в Симбирске ранее вывезенные из Полоцка архивные материалы (листы из книги почетных посетителей Полоцкого музея, большое количество копий с договоров XVI–XVII вв. и др.). Он считал, что все архивные документы, найденные А. В. Жиркевичем, бесследно исчезли во время гражданской войны [7, с. 79, 80]. Но в постановлении СНК СССР речь шла именно о коллекции А. В. Жиркевича. В нем отмечалось, что памятники старины не были эвакуированы из Беларуси, а были вывезены самим А. В. Жиркевичем и проданы Наркомпросу РСФСР. Третий пункт постановления СНК гласил: «Ввиду того, что находящиеся в Эрмитаже и в Историческом Музее найденные в БССР клады и коллекции каменного и курганного периода имеют общесоюзное значение,... считать их не принадлежащими Белоруссии». В четвертом пункте содер-

жался отказ в просьбе БССР о возвращении коллекций, собранных П. А. Раппопортом и эвакуированных во время войны. Это объяснялось тем, что «коллекции не связаны только с Белоруссией и находятся в Музее общесоюзного значения». И только пятый пункт действительно по смыслу переключался с названием самого постановления. Он обязывал вернуть в Беларусь некоторые старинные предметы, а именно: а) шрифты и оборудование старинной еврейской типографии, хранящейся в Гомельском музее; б) старинную Тору, подаренную Николаю II витебскими евреями в 1904 г.; в) массивную ханукальную лампаду Любавичского раввина Шнеерсона; г) украшения к свиткам Торы — корону и серебряные дощечки с гравировкой; д) крест Заславской церкви XVII в., хранящийся в Гохране [9, д. 331, л. 8].

30 июля 1926 г. представители Главнауки РСФСР предложили Наркомпросу Беларуси подобрать серию картин западных мастеров для Белгосмузея «вместо 25 картин Горы-Горетской коллекции» [9, д. 331, л. 3]. Нарком просвещения БССР А. В. Балицкий вынужден был подписать постановление № 78 от 11 августа, суть которого сводилась к согласию с предложением НКП РСФСР [9, д. 331, л. 1]. Подбор картин поручили директору Белгосмузея П. В. Харламповичу. Из его докладной записки следует, что в российском художественном фонде для Беларуси была приготовлена специальная коллекция, но не итальянских и нидерландских мастеров, а русских художников, причем отмечалось, что «некоторые полученные картины не могут считаться лучшими из имеющихся в Фонде» [9, д. 1927, л. 53]. В конце докладной записки П. В. Харлампович просил немедленно обратиться в музейный отдел Главнауки РСФСР с предложением о передаче Беларуси предметов искусства из запасников Эрмитажа, выделенных для пополнения белорусских музеев. Далее приводился список предметов и коллекций, ранее вывезенных из Беларуси, среди которых были перечислены случские пояса, картины итальянских, французских и голландских художников, старинное оружие (русское и польское), коллекция древних монет, имевших хождение на территории Беларуси, и многое другое. По поводу этих ценностей, вывезенных из республики во время войны, Наркомпрос БССР сделал несколько официальных запросов в Главнауку РСФСР. Нами обнаружены запросы от 3 сентября и 3 декабря 1926 г. [9, д. 1927, л. 50, 52]. Однако в Москве не торопились давать ответ.

По поводу же конкретных предметов старины, подлежащих возвращению, согласно пункту 5 постановления СНК от 19 июля 1926 г., завязалась длительная переписка. Главнауки РСФСР требовало от Наркомпроса БССР точных сведений о местонахождении этих предметов, хотя, по сути, этими сведениями должны были располагать именно представители России. Музейные работники Беларуси начали поиски документов, которые могли бы указать местонахождение перечисленных ценностей. К этой работе привлекались и посторонние добровольные помощники. К примеру, 12 ноября 1926 г. музейный совет принял решение поручить доктору Брамсону, проживающему в

Ленинграде, отыскать в царских дворцах уже упомянутую старинную Тору — подарок витебских евреев Николаю II [9, д. 1927, л. 34, 35]. Тора, к сожалению, так и не была найдена, но в результате поисков удалось отыскать в Казанском университете другую Тору, не менее ценную — подарок полочских евреев Екатерине II, о чем свидетельствовало их обращение к императрице в 1780 г. Старинный документ был препровожден из Казани в Белгосмузей в августе 1928 г. [9, д. 1935, л. 15, 22].

Зашли в тупик поиски оборудования и шрифта старинной еврейской типографии. Директор Гомельского музея в своем письме № 421 от 1 августа 1926 г. сообщил, что в музее этих предметов не имеется, а более точных сведений не нашлось [9, д. 1927, л. 33]. Местонахождение остальных предметов, упоминаемых в постановлении СНК СССР, было определено точно. Ханукальная лампада Любавичского раввина Шнеерсона сначала попала в Ростов-на-Дону, а оттуда была направлена в Гохран. Об этом работники белорусского музея поставили в известность Наркомпрос РСФСР. В письме от 3 декабря 1926 г. было указано местонахождение Заславского креста и орнаментов к свитку Торы. Они были отправлены в Гохран при отношениях: № 5722 от 24.06.1922 г.; № 4451/4448 от 11.05.1922 г.; № 5195 от 07.06.1922 г.; № 6521 от 24.07.1922 г. [9, д. 1927, л. 32].

Несмотря на необычайные трудности, возникавшие при возвращении в Беларусь вывезенных ценностей, поиски утраченных памятников все-таки продолжались. П. В. Харлампович обнаружил в московском музейном фонде несколько древнепечатных книг, принадлежавших Виленскому церковному музею. Книги были эвакуированы из Вильно в Симоновский монастырь, а потом распределялись по различным библиотекам. Археологическая коллекция эвакуированного Виленского публичного музея была передана в Исторический музей. Наркомпрос БССР обратился в Главнауку РСФСР с просьбой вернуть эти памятники истории.

Комиссариат просвещения ходатайствовал также о возвращении коллекций, вывезенных из Гомеля. По сообщению этнографа И. А. Сербова, из этого города при эвакуации он лично вывез в Москву большое количество исторических ценностей, которые были размещены в «доме Гоголя» на Никитском бульваре. А специальная комиссия, созданная российским отделом по делам музеев и охране памятников, распределила затем коллекции между различными организациями. Так, семейный архив белорусских магнатов, охватывающий период с XV по XIX вв., был сдан на хранение в Главархив. Старопечатные книги, вывезенные И. А. Сербовым, передали комитету научных библиотек, а 150 старинных картин «большой церковно-графической ценности» — подотделу провинциальной охраны. Коллекции литья, бронзы, янтаря, резьбы, лепки, а также древнего оружия, нумизматики и

геральдики попали в Румянцевский музей [9, д. 1927, л. 148]. К сожалению, дальнейшая переписка по вопросам возвращения этих памятников истории и культуры нами в архиве не обнаружена.

Весь 1927 г. продолжалась переписка по вопросу передачи коллекции картин итальянских и нидерландских художников XIV—XVII вв. в виде компенсации вместо вывезенных из Горы-Горок 25 художественных полотен. Это была даже не переписка, а только послания Наркомпроса Беларуси Главмузею РСФСР, которые оставались без ответа. Несколько раз П. В. Харлампович обращался в Главпрофобр с просьбой обсудить этот вопрос в Совнарком, но и это не помогло [9, д. 1927, л. 206, 207]. Наркомпрос РСФСР упорно отталчивался.

Несколько удачнее завершились переговоры с РСФСР по вопросу передачи белорусским музеям коллекций из музейных фондов России, согласно договоренности 1926 г. Главнаука НКП РСФСР пригласила представителя из Беларуси для переговоров и получения экспонатов. В январе 1927 г. П. В. Харламповичу удалось получить в Москве 30 картин русских художников, около 40 изделий из фарфора и хрусталя, 40 гравюр, 5 икон и половину Слуцкого пояса. Однако в отчете от 1 февраля 1927 г. П. В. Харлампович все же отметил, что при подборе картин он встретил со стороны Отборочной комиссии «большие препятствия и затруднения, причем для БГМузея отбирались не лучшие экспонаты» [9, д. 1927, л. 48, 146].

После присоединения к Беларуси Гомельского и Речицкого поветов Наркомпрос направил директору музея им. Луначарского официальный запрос о вывезенных в Россию музейных экспонатах [9, д. 1927, л. 81, 84]. К сожалению, директор М. Попов, не сообщил никаких подробных сведений. Однако необходимо принять во внимание, что он заведовал музеем только с 1924 г. и мог не знать, что еще в 1919 г. эмиссар Всероссийского отдела по делам музеев В. В. Пашуканис отправил отсюда в Москву музейные ценности общим весом около ста пудов.

Таким образом, следует отметить, что всеми вопросами, которые касались возвращения вывезенных во время войны памятников истории и культуры, в 1920-х гг. занимались сотрудники Народного комиссариата просвещения и Центрального архива Беларуси. Но на пути возвращения древних архивов, музейных ценностей и библиотек нередко в тот период возникали непреодолимые препятствия. При нежелании возвращать тот или иной памятник культуры всегда можно было сослаться на пункты принимаемых положений о том, что систематизированные и описанные архивы, библиотеки или музейные ценности «остаются неприкосновенными в своем объеме». Из приведенных многочисленных примеров видно, как тяжело в тот период на практике осуществлялись постановления СНК СССР и ВЦИК о возврате Беларуси культурно-исторических ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивный отдел Народного комиссариата внутренних дел // Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 249. Оп. 1.
2. Багдановіч, С. Папярэднія вынікі пошуку крыжа Ефрасіні Полацкай // Рэстытуцыя культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання, сумеснага выкарыстання (юрыдычныя, навуковыя і маральныя аспекты): матэрыялы міжнароднага канф., Мінск, 19–20 чэрв. 1997 г. / пад рэд. А. Мальдзіса. Мінск: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. С. 53–58.

3. Багуслаўскі, Г. А. З гісторыі аховы помнікаў у Беларусі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі: інфарм. навук.-метадычны бюл. Бел. тав-ва аховы помнікаў гісторыі і культуры. 1983. № 1. С. 41–42.
4. Высоцкая, Н. Документы о ценностях Несвижского замка в Эрмитаже // Выяўленне, сумеснае выкарыстанне і вяртанне архіўных, бібліятэчных і музейных каштоўнасцей, якія захоўваюцца ў замежных краінах / пад рэд. А. Мальдзіса (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БФК, 1999. С. 180–226.
5. Жуков, Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 гг. М.: Наука, 1989.
6. Калубовіч, А. Крокі гісторыі. Беласток; Вільня; Менск: ГаМакс; Наша Ніва; Маст. літ., 1993.
7. Кахановіч, Г. А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі у XVI–XIX стст. / навук. рэд. Л. Д. Побаль. Мінск: Навука і тэхніка, 1984.
8. Наркомпрос Литбел // Нац. архив Респ. Беларусь. Фонд 804. Оп. 1.
9. Народный Комиссариат Просвещения БССР // Там же. Фонд 42. Оп. 1.
10. Петрыкаў, П. Ц. Стварэнне і дзейнасць Інстытута беларускай культуры / П. Ц. Петрыкаў, М. У. Токараў, М. І. Галенчык // Інстытут беларускай культуры / М. П. Касцюк [і інш.]; рэдкал.: М. А. Барысевіч (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. С. 6–32.
11. Постоянное Представительство правительства БССР в Москве // Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 15. Оп. 1.
12. Працы Першага з'езду даследчыкаў беларускае археалогіі і археографіі. Мінск, 1926.
13. Рощына, Т. Перамешчаныя беларускія кнігазборы: бібліятэка Радзівілаў (Нясвіж – Пецярбург – Хельсінкі) // Выяўленне, сумеснае выкарыстанне і вяртанне архіўных, бібліятэчных і музейных каштоўнасцей, якія захоўваюцца ў замежных краінах / пад рэд. А. Мальдзіса (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БФК, 1999. С. 282–288.
14. Супрун, В. За смугаю часу: даследаванні і меркаванні / прадм. Г. Кахановіча. Мінск: Польша, 1994.
15. Цэнтральны Ісполнительны Комитет БССР // Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 6. Оп. 1.
16. Шлюбскі, Ал. Матэр'ялы да крыўскае гісторыі // Спадчына. 1992. № 4. С. 18–26.
17. Шумейко, М. Методология выявления и отбора утраченных культурных (архивных, музейных, библиотечных) ценностей Беларуси // Выяўленне, сумеснае выкарыстанне і вяртанне архіўных, бібліятэчных і музейных каштоўнасцей, якія захоўваюцца ў замежных краінах / пад рэд. А. Мальдзіса (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БФК, 1999. С. 5–11.
18. Шумейко, М. Проблемы реституции белорусских архивов на архивно-археографических конференциях республики // Рэзультаты культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання, сумеснага выкарыстання (юрыдычныя, навуковыя і маральныя аспекты): матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 19–20 чэрв. 1997 г. / пад рэд. А. Мальдзіса. Мінск: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. С. 212–223.
19. Ярашэвіч, А. А. Жыровіцкі Свята-Успенскі мужчынскі манастыр // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 3: Гімназіі – Кадэцыя / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 1996.

«Работа Наркомпроса БССР по возвращению эвакуированных памятников старины (20-е гг. XX в.)» (Николай Клепиков)

Стат'я посвящена проблеме возвращения эвакуированных во время Первой мировой войны памятников истории и культуры Беларуси. Известно, что в те годы из западных губерний Российской империи было вывезено огромное количество интересных и весьма ценных памятников старины, древних архивов, музейных коллекций, библиотек. После окончания военных действий все это необходимо было вернуть. Данную проблему поручили решить сотрудникам Народного комиссариата просвещения БССР и Центрального архива Беларуси, так как в их ведении в тот период находились музеи и архивы, а также отдел по охране культурно-исторического наследия республики.

На основе печатных изданий и различных документов сотрудники Наркомпроса уточняли местонахождение вывезенных за пределы Беларуси архивных фондов, библиотек, музейных ценностей для возвращения их в республику. Были учреждены специальные комиссии и проведены переговоры с правительством РСФСР. Но, несмотря на достигнутые договоренности и утверждение ВЦИКом специальных постановлений, возникли непреодолимые преграды, такие как принятие Основных положений распределения архивных фондов и материалов между союзными республиками. Этот документ почти полностью перечеркнул возможность возвращения архивов. Подобные проблемы возникли и по поводу возврата книжного наследия. Вывезенные из Беларуси библиотеки передавались в Государственный книжный фонд, в котором они входили в общие книжные запасы и, таким образом, окончательно обезличивались и терялись для республики. А главным препятствием при возвращении музейных ценностей стало постановление СНК СССР «О возвращении в Белорусский Государственный Музей некоторых музейных экспонатов из музеев РСФСР». Почти все пункты данного постановления содержали отказ в возврате ценностей в связи с тем, что указанные коллекции имели «общесоюзное значение». Иными словами, российское правительство делало все, чтобы эвакуированные во время войны или позднее вывезенные памятники истории и культуры Беларуси оставались в РСФСР.

На основе конкретно-исторического материала проанализирована деятельность государственных органов, занимавшихся в 20-х гг. XX в. проблемой возвращения вывезенных историко-культурных ценностей.

«The BSSR Peoples' Commissariat of Education Activities on the Return of the Evacuated Historical Valuables (the 1920s)» (Nikolay Klepikov)

The article deals with the problem of the return of the objects of history and culture of Belarus evacuated during World War I. It is well-known that those years saw mass evacuation of interesting and valuable historical objects, ancient archives, museum collections and libraries from the western provinces of the Russian Empire. When the war was over, all this needed to be returned. The problem was entrusted to the officials of the

BSSR People's Commissariat of Education (Narkompros) and of the Central Archive of Belarus because they were responsible for museums, archives and for the department on protection of cultural and historical heritage of the Republic.

After studying publications and various documents the Narkompros officials located the evacuated objects: archive stocks, libraries, museum exhibits in order to return them to the Republic. Special commissions were established and negotiations with the RSFSR government were held. But despite the agreements achieved and special resolutions made by the Union Central Executive Committee insurmountable obstacles appeared, such as adoption of the Main Provisions for Distribution of Archive Stocks and Materials among the Union Republics. This document almost eliminated the possibility to recover the archives. Similar problems emerged in connection with the return of the book heritage. The libraries evacuated from Belarus were delivered over to the State Book Fund where they were incorporated into the general stock and thus their origin was eliminated and they were lost for the republic. What became the main barrier for the return of historical valuables was the Resolution of the Soviet of People's Commissars (Sovnarkom) «On Return of Certain Museum Exhibits from the RSFSR Museums to the Byelorussian State Museum». Almost all provisions of this resolution contained the refusal to return the valuables on the ground that the said collections were of value for the whole Soviet Union. In other words the Russian government did everything to ensure that the objects of history and culture of Belarus, which had been evacuated during the war, stayed in the RSFSR.

Specific history material was used to analyze the activities of the state agencies who dealt with the problem of the return of the evacuated objects of history and culture in the 1920s.